

Гинефобия - боязнь женщин у мужчин. Карен Хорни

Гинефобия - боязнь женщин у мужчин.

Карен Хорни

Карен Хорни

В балладе "Кубок" Шиллер рассказывает о паже, который бросился в пучину моря, чтобы завоевать женщину, символизируемую кубком. Пораженный ужасом, он описывает грозную бездну, которой едва не был поглощен:

*И вдруг, успокоясь, волнение легло;
И грозно из пены седой
Разинулось черною щелью жерло,
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощенного чрева;
И глубь застонала от грома и рева.
И он, упредя разъяренный прилив,
Спасителя-Бога призвал...
И дрогнули зрители все, возопив -
Уж юноша в бездне пропал.
И бездна таинственно зев свой закрыла:
Его не спасет никакая уж сила.
Я видел, как в черной пучине кипят,
В громадный овивался клуб,
И млат водяной, и уродливый скат,
И ужас морей однозуб;
И смертью грозил мне, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гиена морская.*

Эта же идея выражена, но уже менее мрачно, в "Песне рыбака" из "Вильгельма Телля":

*На озеро манит купанья отрада.
Уснувшего юношу нежит прохлада.
И звуки свирели
Он слышит сквозь сон,
Он ангельски-нежною
Песней пленен.
Проснулся, блаженства, веселия полный,
А возле играют и пенятся волны.
И вкрадчивый голос
Влечет за собой:
"Бросайся в пучину,
Будь вечно со мной!"*

Мужчины не устают находить образы, чтобы выразить неистовую силу, влекущую его к женщине, и сопровождающий это стремление страх оказаться ею погубленным. В частности, я бы хотела упомянуть волнующее изображение этого страха в поэме Гейне о легендарной Лорелее, которая сидит на высоком берегу Рейна и своей красотой заманивает лодочников.

Опять возникает все тот же мотив воды (представляющей, как и прочие "элементы", первичную стихию "женщины"), которая поглощает мужчину, поддавшегося женским чарам.

Одиссей, чтобы избежать обольщения сирен, приказал своим гребцам привязать себя к мачте. Мало кто сумел разгадать загадку Сфинкса, большинство же поплатилось за свою попытку жизнью. В волшебных сказках ограда дворца короля украшена головами женихов, отважившихся отгадывать загадки его прекрасной дочери. Богиня Кали танцует на трупах поверженных мужчин. Самсона, которого никто из мужчин не мог победить, лишила силы Далила. Юдифь обезглавила Олоферна после того, как отдалась ему. Саломея несет на блюде голову Иоанна Крестителя. Из-за страха мужчин-священников оказаться во власти дьявола сжигали ведьм. "Дух Земли" Ведекинда уничтожает всякого мужчину, поддавшегося ее чарам, и даже не тому, что она особенно зла, а просто потому, что такова природа. Перечислять подобные примеры можно бесконечно; всегда и везде мужчина стремится избавиться от своего страха перед женщинами, объективизируя его. "Дело не в том, - говорит он, - что я боюсь ее; дело в том, что она сама по себе зловредна, способна на любое преступление хищница, вампир, ведьма, ненасытная в своих желаниях. Она - воплощение зла". Не здесь ли - в нескончаемом конфликте между желанием женщины и страхом перед ней - один из важнейших источников мужского стремления к творчеству?

Для примитивного восприятия женщина становится вдвойне зловещей при кровавых проявлениях ее женского естества. Контакт с ней во время менструации фатален: мужчины теряют свою силу, пастбища засыхают, рыбаки и охотники возвращаются с пустыми руками. Особую опасность для мужчины представляет акт дефлорации. Как показал Фрейд в "Табу девственности", особенно этого события боится муж. В этой работе Фрейд также ссылается на объективные причины такого страха, указывая на импульсы к кастрации, которые и в самом деле встречаются у женщин. Однако есть две причины, почему это не является адекватным объяснением такого табу. Во-первых, импульс к кастрации не является универсальной реакцией женщин на дефлорацию; эти импульсы присущи, пожалуй, лишь женщинам с сильно выраженной маскулинной установкой. А во-вторых, даже если бы дефлорация неизменно вызывала у женщины деструктивные импульсы, нам все равно пришлось бы (как мы это должны делать в каждом индивидуальном анализе) выяснить, какие именно импульсы у самого мужчины заставляют его считать первое - насильственное - проникновение в вагину опасным предприятием; настолько опасным, что его может безнаказанно совершить либо человек, наделенный властью, либо посторонний, готовый за вознаграждение рискнуть своей жизнью или мужским естеством.

И мы с удивлением спрашиваем себя: неужели не странно, что при таком изобилии очевидного материала так мало внимания уделяется тайному страху мужчины перед женщиной? Еще более удивительно, что и сами женщины так долго его не замечали; в другом месте я еще вернусь к детальному обсуждению причин подобной установки (то есть их собственной тревожности и низкой самооценки). У мужчины имеется достаточно очевидных стратегических причин, чтобы скрывать свой страх. Но он также пытается всеми способами его отрицать даже перед самим собой. Это и составляет цель упомянутых выше усилий "объективизировать" его в художественном и научном творчестве. Мы можем предположить, что даже прославление женщины мужчиной связано не только с его стремлением завоевать ее любовь, но и с желанием скрыть свой страх. Однако такое же облегчение мужчины находят и в презрении к женщинам, которое они так часто демонстративно выказывают в своем поведении. Позиция любви и преклонения означает: "Мне нечего бояться такого восхитительного, такого прекрасного, более того, такого святого создания". Позиция презрения подразумевает: "Было бы просто смешно бояться такого, как ни посмотри, жалкого существа". Последний способ успокоения своей тревоги дает мужчине особое преимущество, а именно помогает поддержать свою мужскую самооценку, которая, похоже, страдает гораздо сильнее от признания страха перед женщиной, чем от признания страха перед мужчиной (отцом). Понять, почему самооценка мужчин оказывается столь чувствительной именно по отношению к женщинам,

можно только с учетом их раннего развития, к чему я вернусь позже.

В процессе анализа страх перед женщиной проявляется весьма отчетливо. Мужская гомосексуальность, как, впрочем и другие перверсии, основывается на желании избежать женских гениталий или отрицать само их существование. Фрейд, в частности, показал, что это является фундаментальной особенностью фетишизма; он полагает, однако, что она основана не на тревожности, а на чувстве отвращения из-за отсутствия у женщины пениса. Я же считаю, что даже из его рассуждений мы вынуждены сделать заключение о наличии здесь тревоги. То, что на самом деле мы видим, - это страх вагины, тонко замаскированный под отвращение. Только тревожность является достаточно сильным мотивом, чтобы удержать мужчину, либидо которого, несомненно, подталкивает его к союзу с женщиной, от стремления к этой цели. Построения Фрейда не объясняют эту тревожность. Страх мальчика перед отцом из-за угрозы кастрации - недостаточная причина, чтобы бояться существа, которого эта кара уже постигла. За страхом перед отцом должен стоять другой страх, объектом которого является женщина или женские гениталии. И этот страх вагины, несомненно, проявляется не только у гомосексуалистов и при перверсиях, но и в сновидениях проходящих анализ мужчин. Сновидения такого рода известны каждому аналитику, поэтому я только вкратце напомним их основные сюжеты: автомобиль мчится вперед, неожиданно попадает в яму и разваливается на куски; лодка плывет по узкому проливу и ее неожиданно засасывает водоворот; открывается подвал с ужасными кровососущими растениями и дикими зверями; человек взбирается по трубе, рискуя сорваться и погибнуть.

Доктор Баумейер из Дрездена разрешил мне рассказать о серии экспериментов, возникших в результате случайного наблюдения и иллюстрирующих страх перед вагиной. Врач в санатории играла с детьми в мяч, а затем показала им, что мяч порвался. Она развела края разреза и засунула туда палец, так что он оказался там зажатым. Из двадцати восьми мальчиков, которым она предложила проделать то же самое, только шесть сделали это без страха, а восьмерых она так и не сумела уговорить. Из девятнадцати девочек девять засовывали пальцы без следа страха, остальные обнаружили некоторые затруднения, но ни у кого из них не было серьезной тревоги.

Без сомнения, страх перед вагиной зачастую скрывается за страхом перед отцом, который также имеет место; или, на языке бессознательного, за страхом пениса в вагине женщины.

Тому есть две причины. Во-первых, как я уже говорила, мужское самолюбие оказывается таким образом менее уязвленным, а во-вторых, страх перед отцом по своему качеству более понятен, не столь иррационален. Мы можем сравнить это со страхом перед реальным врагом и страхом перед привидениями. Поэтому выдвигание на передний план тревожности, связанной с кастрирующим отцом, является тенденциозным, как показал, например, Гроддек в анализе сосания пальца в "Растрепе": палец отрезает мужчина, но угрозу произносит мать, а инструмент, с помощью которого она осуществляется, - ножницы - женский символ.

Исходя из всего вышесказанного, я считаю вполне вероятным, что мужской страх перед женщиной (матерью) или женскими гениталиями более глубоко укоренен, более значим и обычно более энергично вытесняется, чем страх перед мужчиной (отцом), и что стремление обнаружить пенис у женщины представляет собой прежде всего судорожную попытку отрицать существование зловещных женских гениталий.

Существует ли какое-нибудь онтогенетическое объяснение этой тревожности? Не является ли она (у человека) неотъемлемой частью мужской сущности и мужского поведения? Имеет ли какое-нибудь отношение к этому летаргия или даже смерть после совокупления, которые часто наблюдаются у самцов животных? Не связаны ли любовь и смерть у мужчин теснее, чем у

женщин, для которых соитие - потенциальное создание новой жизни? Не испытывает ли мужчина наряду с желанием завоевать тайного стремления прекратить существование в акте воссоединения с женщиной (матерью)? Не это ли желание лежит в основе "влечения к смерти"? А может быть, это воля к жизни реагирует тревогой на такое желание?

Пытаясь понять эту тревожность в психологических и онтогенетических терминах, мы оказываемся в растерянности, если придерживаемся позиции Фрейда, будто основное различие между инфантильной и взрослой сексуальностью заключается именно в том, что ребенок еще "не открыл" вагину. В соответствии с этим взглядом мы не можем говорить о примате гениталий; скорее мы должны назвать это приматом фаллоса. Следовательно, период инфантильной генитальной организации правильнее именовать "фаллической фазой". Множество высказываний, отмеченных у мальчиков в этот период жизни, не оставляет сомнений в справедливости наблюдений, на которых основана теория Фрейда. Но если мы взглянем более пристально в главные характеристики этой фазы, нам придется поневоле задать вопрос, Действительно ли описание Фрейда является исчерпывающим для инфантильной генитальности как таковой во всех ее специфических проявлениях или же оно приложимо лишь к ее сравнительно поздней стадии. Фрейд утверждает, что для мальчика характерно сосредоточение интереса, в отчетливо нарциссической форме, на его собственном пенисе: "Движущая сила, которую эта часть мужского тела будет генерировать позднее в пубертате, в детстве выражается в основном в стремлении исследовать вещи - в сексуальном любопытстве". Весьма важную роль играют вопросы о наличии и размерах фаллоса у других живых существ.

Но, несомненно, суть собственно фаллических импульсов, исходящих от органических ощущений, состоит в желании проникнуть. То, что эти импульсы действительно существуют, вряд ли вызывает сомнение; они слишком отчетливо проявляются в детских играх и при анализе маленьких детей. Опять-таки трудно сказать, из чего состоят сексуальные желания мальчика в отношении матери, если не из этих самых импульсов; или почему объектом тревоги, связанной с мастурбацией, должен быть кастрирующий отец, не будь мастурбация в значительной степени аутоэротическим выражением гетеросексуальных фаллических импульсов.

В фаллической фазе психическая ориентация мальчика является преимущественно нарциссической; следовательно, период, в котором его генитальные импульсы направлены на объект, должен быть более ранним. Определенно, следует учитывать и возможность того, что они не направлены на женские гениталии, о существовании которых он инстинктивно догадывается. В сновидениях, как детских, так и более поздних, в симптомах и особых типах поведения мы и в самом деле обнаруживаем репрезентации орального, анального или садистского коитуса без специфической локализации. Но мы не можем считать это доказательством примата соответствующих импульсов, поскольку не знаем, действительно ли и в какой мере эти явления выражают смещение от собственно генитальной цели. В сущности, все это может быть лишь свидетельством того, что данный индивид проявляет специфические оральные, анальные или садистские наклонности. Ценность подобного свидетельства невелика, поскольку эти репрезентации всегда связаны с определенными аффектами, направленными против женщин, и поэтому нельзя сказать, не являются ли они, по сути, продуктом или выражением этих аффектов. Например, тенденция унижать женщин может выражаться в анальных репрезентациях женских гениталий, тогда как оральные репрезентации могут выражать тревогу.

Наряду со всем этим есть и другие причины, почему мне кажется невероятным, чтобы существование специфического женского отверстия оставалось "необнаруженным". С одной стороны, конечно, мальчик может автоматически прийти к выводу, что все остальные устроены

точно так же, как он сам; но, с другой стороны, его фаллические импульсы, несомненно, побуждают его инстинктивно искать соответствующее отверстие в женском теле, более того, то отверстие, которого он сам лишен, ибо один пол всегда ищет в другом то, что дополняет его самого, или тех свойств, которые отличаются от его собственных. Если мы всерьез принимаем заявление Фрейда, что сексуальные теории, создаваемые детьми, строятся на основе их собственной половой конституции, в данной связи это непременно должно означать, что мальчик, побуждаемый импульсами к проникновению, рисует в фантазии комплементарный женский орган. Именно к этому выводу мы и должны прийти из всего того материала, который я привела в начале статьи, говоря о мужском страхе перед женскими гениталиями.

Маловероятно, чтобы эта тревога возникла лишь в пубертате. Уже в начале этого периода тревога проявляется вполне отчетливо, если только заглянуть за невысокий фасад скрывающей ее мальчишеской гордости. В пубертате задача мальчика, очевидно, состоит в том, чтобы не только освободиться от инцестуозной привязанности к матери, но и справиться со своим страхом перед женским полом в целом. Успеха, как правило, здесь можно достичь лишь постепенно: сначала мальчик отворачивается от всех девочек на свете, и только когда его мужественность пробуждается полностью, она побуждает его переступить через порог страха. Но мы знаем, что конфликты пубертата, как правило, лишь воспроизводят, внося соответствующие изменения, конфликты периода ранней инфантильной сексуальности и что путь, который они избирают, зачастую, по сути, является копией [пяла ???] более ранних переживаний. Более того, гротескный характер тревоги, который мы обнаруживаем в символике сновидений и литературных произведений, несомненно, указывает на период ранних инфантильных фантазий.

В пубертате обычный мальчик уже имеет сознательное представление о вагине, но то, чего он боится в женщинах, - это нечто иррациональное, незнакомое и таинственное. Если взрослый мужчина продолжает относиться к женщине как к великой тайне, проникнуть в которую он не в силах, это чувство в конечном счете может быть связано только с одним - с тайной материнства. Все остальное - лишь остаток страха перед этой тайной.

Каков источник этой тревоги? Каковы ее основные черты? И какие факторы омрачают ранние отношения мальчика с матерью?

В статье о женской сексуальности Фрейд указал на наиболее очевидные из этих факторов: мать первая, кто запрещает ребенку инстинктивные действия, потому что именно она ухаживает за младенцем. Во-вторых, ребенок, очевидно, испытывает садистские импульсы по отношению к телу матери, которые, по всей вероятности, связаны с яростью, вызванной ее запретами, и, в соответствии с законом талиона, этот гнев оставляет после себя осадок в виде тревоги. И наконец - и это, пожалуй, главное - еще один такой фактор образует специфическая судьба самих генитальных импульсов. Анатомические различия между полами приводят к совершенно различной ситуации у девочек и мальчиков, и чтобы действительно понять их тревогу и отличия их тревоги, мы должны прежде всего принять во внимание реальную ситуацию ребенка в период его ранней сексуальности. Природа девочки, которая обусловлена биологически, наделяет ее желанием принимать, вбирать; она чувствует или знает, что ее гениталии слишком малы для отцовского пениса, и это заставляет ее реагировать на собственные генитальные желания непосредственно тревогой; она боится, что, если ее желания осуществятся, она сама или ее гениталии будут уничтожены.

Мальчик, напротив, чувствует или инстинктивно оценивает, что его пенис слишком мал для гениталий матери, и реагирует страхом оказаться несостоятельным, отвергнутым и униженным. Следовательно, его тревога лежит совсем в другой области, чем тревога девочки; его изначальный страх перед женщиной является вовсе не страхом кастрации, а реакцией на

угрозу его самолюбия.

Чтобы быть правильно понятой, позвольте мне подчеркнуть, что эти процессы, как я полагаю, протекают чисто инстинктивно на основе органических ощущений и напряжений, исходящих от органических потребностей; другими словами, я считаю, что эти реакции возникли бы даже в том случае, если бы девочка никогда не увидела пениса своего отца, а мальчик - гениталий своей матери и никто бы из них не приобрел теоретических знаний о существовании этих органов.

Из-за своей реакции мальчик подвергается иного рода и более серьезной фрустрации со стороны матери, чем девочка из-за своих переживаний в отношении отца. В любом случае удар наносится по либидинозным импульсам. Однако девочка находит в своей фрустрации некоторое утешение - она сохраняет свою физическую целостность. Мальчик же получает еще один удар по чувствительному месту - он ощущает свою генитальную несостоятельность, и это чувство, вероятно, сопровождает его либидинозные желания с самого начала. Если мы считаем, что наиболее общей причиной для неистовой ярости является неосуществление жизненно важных на данный момент импульсов, то из этого следует, что фрустрация мальчика матерью должна вызывать у него удвоенную ярость: во-первых, из-за обращения вспять его либидо и, во-вторых, из-за его уязвленного мужского самолюбия. Одновременно вновь разгорается прежняя обида, проистекающая из догенитальных фрустраций. В результате его фаллические импульсы к проникновению смешиваются с гневом и фрустрацией и принимают садистский оттенок.

Здесь разрешите мне подчеркнуть один момент, которому часто не уделяется достаточно внимания в психоаналитической литературе, а именно: у нас нет причин предполагать, что эти фаллические импульсы являются садистскими от природы, и поэтому совершенно недопустимо, в отсутствие конкретных доказательств в каждом отдельном случае, приравнять "мужское" к "садистскому" и, сходным образом, "женское" к "мазохистскому". Если примесь деструктивных импульсов действительно велика, материнские гениталии в соответствии с законом талиона становятся объектом непосредственной тревоги. Таким образом, если поначалу они вызывали у него неприязнь из-за ассоциации с его уязвленным самолюбием, то в результате вторичного процесса (гнева, вызванного фрустрацией) они становятся объектом страха кастрации. И, вероятно, этот страх значительно усиливается, когда мальчик подмечает признаки менструации.

Очень часто этот страх в свою очередь оставляет долгий след на установке мужчины по отношению к женщине, о чем нам известно из множества примеров из жизни самых разных народов в самые разные времена. Однако я не думаю, что это происходит непременно со всеми мужчинами в сколько-нибудь значительной степени, и, несомненно, это не является отличительной чертой отношения мужчины к противоположному полу. Тревога такого рода весьма напоминает тревогу, которую мы встречаем у женщин. Если в процессе анализа мы обнаруживаем, что она достигла сколько-нибудь существенной интенсивности, то речь неизменно идет о мужчине, установка которого по отношению к женщинам, несомненно, является невротической.

С другой стороны, я полагаю, что тревога, связанная с уязвленным самолюбием, оставляет более или менее заметные следы в каждом мужчине и накладывает на его общую установку по отношению к женщинам особый отпечаток, который либо вообще отсутствует в установке женщин по отношению к мужчинам, либо, если и присутствует, то является вторичным приобретением. Другими словами, она не является неотъемлемой частью женской природы.

Мы можем постичь общий смысл этой мужской установки, если только более тщательно

изучим развитие инфантильной тревожности у мальчика, его усилия справиться с ней и способы, которыми она проявляется.

Согласно моему опыту, страх быть осмеянным и отвергнутым является типичным ингредиентом при анализе любого мужчины, независимо от того, каковы его душевные свойства или структура невроза. Аналитическая ситуация и постоянная сдержанность женщины-аналитика выявляют эту тревогу и чувствительность более отчетливо, чем они обнаруживаются в обычной жизни, предоставляющей мужчинам множество возможностей избежать этих чувств, либо уходя из ситуаций, которые могут их вызывать, либо за счет сверхкомпенсации. Специфическую основу этой установки определить довольно сложно, потому что при анализе она, как правило, скрывается за женской ориентацией, по большей части бессознательной.

Основываясь на собственном опыте, я берусь утверждать, что последняя ориентация является не менее распространенной, хотя и менее очевидной (по причинам, о которых я скажу позднее), чем мужская установка у женщин. Я не стану предлагать обсудить здесь различные ее источники; я хочу лишь сказать, что, на мой взгляд, рана, нанесенная самолюбию мальчика, может быть одним из факторов, вызывающих у него неприязнь к своей мужской роли.

Типичной реакцией на эту рану и на возникающий вслед за этим страх перед матерью является, очевидно, отвод либидо от матери и сосредоточение его на себе и своих гениталиях. С экономической точки зрения этот процесс обладает двумя преимуществами: он позволяет мальчику избежать мучительной или исполненной тревогой ситуации, создавшейся между ним и его матерью, и восстанавливает его мужскую самооценку, реактивно усиливая в нем фаллический нарциссизм. Женские гениталии для него больше не существуют: "необнаруженная" вагина - это отрицаемая вагина. Эта стадия развития мальчика полностью идентична фаллической фазе, описанной Фрейдом.

Соответственно, доминирующее в этой стадий любопытство и специфический характер мальчишеского любопытства мы должны понимать как отступление от объекта, сопровождающееся нарциссически окрашенной тревогой.

Таким образом, первой реакцией мальчика является усиление фаллического нарциссизма. В результате прежнее желание быть женщиной, которое мальчики помладше выражают безо всякого смущения, теперь вызывает у него отчасти тревогу, как бы оно не было принято всерьез, отчасти страх кастрации. Убедившись, что мужской комплекс кастрации в значительной мере является ответом Я на желание быть женщиной, мы уже не можем полностью разделять мнение Фрейда, что бисексуальность гораздо отчетливее проявляется у женщин, нежели у мужчин. Этот вопрос нам придется оставить открытым.

Одна из особенностей фаллической фазы, которую подчеркивает Фрейд, со всей отчетливостью проявляется в нарциссическом шраме, оставленном у маленького мальчика его отношениями с матерью: "Он ведет себя так, как будто смутно догадывается, что этот орган может и должен быть больше". Мы могли бы дополнить это наблюдение, заметив, что подобное поведение и в самом деле начинается в фаллической фазе, но не прекращается с ее окончанием; напротив, оно со всей наивностью проявляется на протяжении всего детства мальчика и сохраняется даже позднее в виде глубоко скрытой тревоги по поводу размеров своего пениса или своей потенции или в виде менее скрытой гордости за них.

Еще одна из особенностей биологического различия между полами состоит в том, что мужчина вынужден постоянно доказывать женщине свою мужественность. У женщины такой необходимости нет. Даже если она фригидна, она может участвовать в половом акте, зачать и

родить ребенка. Чтобы сыграть свою роль, ей достаточно просто быть и не обязательно что-то делать - обстоятельство, которое всегда вызывало у мужчин восхищение и обиду. Мужчина, напротив, должен что-нибудь делать для того, чтобы реализовать себя. Идеал "продуктивности" - типично мужской идеал.

Такова, пожалуй, основная причина того, почему при анализе женщин, боящихся своих мужских наклонностей, мы постоянно обнаруживаем, что они бессознательно относятся к честолюбию и достижениям как к мужским атрибутам, несмотря на значительное расширение сферы активности женщин в реальной жизни.

И в самой сексуальной жизни мы видим, как обычное стремление к любви, влекущее мужчин к женщинам, очень часто затмевается переполняющим мужчину навязчивым стремлением вновь и вновь доказывать себе и другим свою мужественность. Мужчину такого типа в его крайней форме интересует только одно - покорять. Его цель - "обладать" многими женщинами, самыми красивыми и самыми желанными для других. Удивительную смесь этой нарциссической сверхкомпенсации и пережитков тревоги мы обнаруживаем у тех мужчин, которые, несмотря на то, что жаждут завоеваний, негодуют на женщин, принимающих их намерения слишком всерьез, или у тех мужчин, которые сохраняют вечную благодарность женщине, если она избавляет их от необходимости доказывать свою мужественность на деле.

Другой способ заглушить боль от ноющего нарциссического шрама - это принять установку, описанную Фрейдом как склонность к выбору недостойного объекта любви.

Если мужчина не желает женщин, которые равны ему или даже чем-то его превосходят, - разве это не защита от угрозы самооценке по принципу "зелен виноград"? От проститутки или легко доступной женщины нечего бояться отказа или сексуальных, этических и интеллектуальных требований. С ней всегда можно чувствовать свое превосходство. Это подводит нас к третьему способу, самому важному и самому пагубному по своим культурным последствиям: принижению самооценки женщин. Надеюсь, мне удалось показать, что пренебрежительное отношение мужчин к женщинам основано на психической тенденции к дискредитации - тенденции, коренящейся в психических реакциях мужчин на определенные биологические факты, чего и следовало ожидать от психической установки, которая столь широко распространена и столь упорно отстаивается. Представление о том, что женщины - существа инфантильные, эмоциональные и поэтому неспособные к ответственности и независимости, является плодом мужской тенденции снизить уважение женщин к себе. Когда мужчины оправдывают эту установку тем, что огромное множество женщин и в самом деле соответствуют такому описанию, нам следует задуматься, не был ли подобный тип женщин выведен в результате систематической селекции со стороны мужчин. Важно не то, что отдельные умы того или иного калибра - от Аристотеля до Мёбиуса - затратили немало энергии и интеллектуальных усилий, чтобы доказать превосходство мужского начала. Что действительно имеет значение - это тот факт, что вечно колеблющаяся самооценка "среднего человека" побуждает его вновь и вновь выбирать инфантильный, нематеринский, истерический тип женщины и тем самым подвергать каждое новое поколение влиянию таких женщин.